

УДК 821.161.1 - Бунин

В.А. Норова, А.С. Силаев

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕЙ ЛИРИКИ И.А. БУНИНА

В.О. НОРОВА, О.С. СИЛАЕВ. ЛИРИЧНИЙ ГЕРОЙ В СУБ'ЄКТНО-ОБ'ЄКТНОМУ ПРОСТОРІ ПІЗНЬОЇ ЛІРИКИ І.О. БУНІНА.

Іван Олексійович Бунін (1870–1953) – видатний поет ХХ століття. Довгий час до поезії Буніна ставилися як до чогось другорядного по відношенню до його прози, що пояснюється недооцінкою її ідейного і художнього багатства. Однак в дослідженнях останніх десятиліть (роботи Ю.В. Мальцева, О.Н. Михайлова, В.В. Нефьодова, Т.Г. Дінесман, А.А. Дякіної та ін.) цей підхід було переглянуто, і домінуючою точкою зору стало твердження про новаторство поезії Буніна, яка в розвитку ряду тем і мотивів часто випереджає його прозу. Творче становлення Буніна-поета припадає на період, коли епоха класичного реалізму закінчувалася і загострювалася боротьба різноманітних літературних шкіл і течій. Новаторство в розвитку традицій попередників, освоєння сучасних естетичних тенденцій залишили помітний відбиток у творчості поета.

З одного боку, його лірика розвивалася в глибині класичної реалістичної традиції, з іншого боку, в ній очевидні модифікаційні жанрово-поетичні конструкції, що ставлять творчість поета в один ряд з експериментами модерністів в області віршів. Цілком очевидно, що все різноманіття жанрів і художньо-стилістичних прийомів, яке демонструє робота Буніна, виявляється єдиним цілим, підлеглим логіці думки і почуття автора. Поглиблене і вдумливе вивчення такої єдності в різноманітності форм його прояву – важливий і актуальний аспект сучасних бунинських досліджень. Разом з тим питання, що стосується художньої своєрідності поезії І.А. Буніна, особливо пізнього періоду його творчості, все ще залишається відкритим, в зв'язку з чим в даній статті здійснена спроба прояснити один з аспектів такої своєрідності – проблему ліричного героя і форм його вираження в поезії І. Буніна 1918–1926 рр. – переламного періоду його життя і творчості.

Ключові слова: лірика, суб'єктно-об'єктний простір вірша, ліричний герой.

В.А. НОРОВА, А.С. СИЛАЕВ. ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕЙ ЛИРИКИ И.А. БУНИНА.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) – выдающийся поэт ХХ века. Долгое время к поэзии Бунина относились как к чему-то второстепенному по отношению к его прозе, что объясняется недооценкой ее идейного и художественного богатства. Однако в исследованиях последних десятилетий (работы Ю.В. Мальцева, О.Н. Михайлова, В.В. Нефедова, Т.Г. Динесман, А.А. Дякиной и др.) этот подход был пересмотрен, и доминирующей точкой зрения стало утверждение о новаторстве поэзии Бунина, которая в развитии ряда тем и мотивов часто опережает его прозу. Творческое становление Бунина-поэта приходится на период, когда эпоха классического реализма заканчивалась и обострялась борьба разнообразных литературных школ и течений. Новаторство в развитии традиций предшественников, освоение современных эстетических тенденций оставили заметный отпечаток в творчестве поэта.

С одной стороны, его лирика развивалась в глубине классической реалистической традиции, с другой стороны, в ней очевидны модификационные жанрово-поэтические конструкции, ставящие творчество поэта в один ряд с экспериментами модернистов в области стиха. Совершенно очевидно, что все многообразие жанров и художественно-стилистических приемов, которое демонстрирует работа Бунина, оказывается единым целым, подчиненным логике мысли и чувства автора. Углубленное и вдумчивое изучение такого единства в

© В.А. Норова, А.С. Силаев, 2020

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2020.02.72.09>

разнообразии форм его проявления – важный и актуальный аспект современных бунинских исследований. Вместе с тем вопрос, касающийся художественного своеобразия поэзии И.А. Бунина, особенно позднего периода его творчества, все еще остается открытым, в связи с чем в данной статье осуществлена попытка прояснить один из аспектов такого своеобразия – проблему лирического героя и форм его выражения в поэзии И. Бунина 1918–1926 гг. – переломного периода его жизни и творчества.

Ключевые слова: лирика, субъектно-объектное пространство стиха, лирический герой.

V.A. NOROVA, A.S. SYLAIEV. THE LYRICAL HERO IN THE SUBJECT-OBJECT SPACE OF LATER LYRICS OF I.A. BUNIN.

Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953) – the greatest poet of the 20th century. For a long time, there was a view of Bunin's poetry as something secondary in relation to his prose, which is explained by the underestimation of its ideological and artistic wealth. However, in the studies of recent decades (works by Yu. V. Maltsev, O. N. Mikhailov, V. V. Nefedov, T. G. Dinesman, A. A. Dyakina, etc.) this approach was revised, and the dominant point of view became the statement about the innovative nature of Bunin's poetry, in the development of a number of themes and motives, often ahead of his prose. The creative formation of Bunin the poet falls on the period when the era of classical realism was coming to an end and the struggle of various literary schools and trends intensified. Innovation in the development of the traditions of predecessors, the development of modern aesthetic trends have left a noticeable imprint in the poet's work. On the one hand, his lyrics developed in the depths of the classical realistic tradition, on the other hand, modification genre-poetic structures are obvious in it, placing the poet's work on a par with the experiments of modernists in the field of verse. It is quite obvious that all the variety of genres and artistic and stylistic techniques that Bunin's work demonstrates turns out to be a single whole, subordinate to the logic of the author's thought and feeling. An in-depth and thoughtful study of such a unity in the variety of forms of its manifestation is an important and relevant aspect of modern Bunin studies.

At the same time, the question concerning the artistic originality of the poetry of I. Bunin, especially of the late period of his work, is still open, in connection with which an attempt is made in this article to clarify one of the aspects of such originality – the problem of the lyrical hero and the forms of his expression in I. A. Bunin 1918–1926 – a turning point in his life and work.

Key words: lyrics, subject-object space of verse, lyric hero.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) – крупнейший поэт XX века. Долгое время существовал взгляд на бунинскую поэзию как на нечто второстепенное в соотношении с его прозой, что объясняется недооценкой ее идейно-художественного богатства. Однако в исследованиях последних десятилетий (работы Ю.В. Мальцева, О.Н. Михайлова, В.В. Нефедова, Т.Г. Динесман, А.А. Дякиной и др.) данный подход был пересмотрен, и доминирующей точкой зрения стало утверждение о *новаторском* характере бунинской поэзии, в разработке ряда тем и мотивов нередко опережавшей его прозу. Творческое становление Бунина-поэта приходится на период, когда эпоха классического реализма заканчивалась и обострялась борьба разнообразных литературных школ и течений. Новаторство в развитии традиций предшественников, освоение современных эстетических тенденций оставили заметный отпечаток в творчестве поэта. С одной стороны, его лирика развивалась в недрах классической реалистической традиции, с другой – в ней очевидны и модификационные жанрово-поэтикальные структуры, ставящие творчество поэта в один ряд с экспериментами модернистов в области стиха. Вместе с тем совершенно очевидно, что все разнообразие жанров и художественно-стилевых приемов, которое демонстрирует бунинское творчество, оказывается единым целым, подчиненным логике авторской мысли и чувства. Углубленное и вдумчивое изучение такого единства в многообразии форм его проявления является важным и актуальным аспектом современного буниноведения.

Поэзия И.А. Бунина в ее глубинном содержании не сразу была оценена современниками. Поначалу к ее достоинствам относили гармоничность, искренность, умеренность, ясный смысл, чуткость к красоте родной природы, цельность, первозданность и простоту, верность классическим традициям; к недостаткам – описательность, безыдейность, безэмоциональность, «ограниченный “идеализм”» [16, с. 142], однообразие тем, «постоянную склонность к морализированию» [4, с. 70]. Так, Г.И. Чулков писал, что Бунин-поэт «редко философствует и рассуждает», не ищет «чужих даров» [16, с. 142]. Но если он и стремится к этому, то ему все же не

удается, по словам Ф.Д. Батошкова, стать «поэтом-мыслителем». Он чаще мечтает и созерцает, его образы не служат «формой выражения отвлеченной мысли» [3, с. 399].

Уже в годы пребывания Бунина в эмиграции его младший современник, поэт и литературный критик Ф.А. Степун одним из первых заметил, что в поэзии Бунина «с наибольшей глубиной раскрывается его мирозерцание» и стих его обладает «пронзительной лиричностью и глубокой философичностью» [15, с. 234]. Текстуально, полагал критик, оно проявляется в «главных, постоянно возвращающихся мотивах бунинского лирического раздумья над сущностью мира и жизни» [там же]. Об отдельных сторонах мирозерцания и специфических особенностях поэтики Бунина-поэта писали также Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, В.В. Вейдле, Б.К. Зайцев, В.Н. Ильин, П.Б. Струве, М.О. Цетлин, Ю.В. Мальцев и другие критики русского зарубежья.

«Золотой фонд» советского и постсоветского буниноведения составили труды Л.А. Смирновой, О.В. Сливицкой, А.К. Бабореко, Л.В. Крутиковой, О.Н. Михайлова, А.В. Блюма, Б.В. Аверина, Р.С. Спивак, А.А. Волкова, А.А. Нинова, Н.М. Кучеровского и др.

Среди ведущих современных исследователей творчества Бунина можно выделить имена В.В. Нефедова, Т.Г. Динесман, А.А. Дякиной, Е.Р. Пономарева, Т.М. Двинятина, Т.В. Марченко, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова, А.В. Бакунцева, Р. Дэвис, Д. Риникер и др. Так, автор кандидатской диссертации «Жанровая система поэзии И.А. Бунина» (2005) Ю.Г. Иншакова справедливо отмечает, что лирика Бунина, подобно поэзии других художников слова, – динамично развивающаяся система, целостность которой обеспечивается личностью творца, его духовностью и мировоззрением. Углубленное и вдумчивое изучение такой целостности в многообразии форм ее проявления «позволяет глубже понять индивидуальность автора, выявить эстетические пристрастия последнего, оценить его поэтические достижения в контексте русской и шире – мировой литературы, их значимость в период рубежа веков и обосновать факт оригинальной традиционности художника» [10, с. 4].

Вместе с тем, вопрос, касающийся художественного своеобразия поэзии И.А. Бунина – особенно позднего периода его творчества, – все еще остается открытым, в связи с чем в данной работе осуществлена попытка прояснить один из аспектов такого своеобразия – проблему лирического героя и форм его выражения в поэзии И. Бунина 1918–1926 гг. – переломного периода в жизни и творчестве поэта. Художественная ценность творений Бунина не подлежит сомнению, а его дарование ярко проявлялось как в дореволюционный, так и в эмигрантский период жизненного и творческого пути. Даже далекие в идейном отношении от зрелого Бунина литераторы признавали его незаурядный поэтический талант.

Как показали исследования ученых-буниноведов, применительно не только к поэзии, но и к прозе Бунина необходимо говорить о лирическом герое. В этом проявляется повышенный лиризм и поэтичность прозы гения. Его лирический герой тянется к внутреннему духовному просветлению, стремится этим победить страх смерти. Ключевым состоянием лирического героя Бунина в его прозаических и поэтических произведениях переломного периода можно назвать одиночество и эмоциональный кризис. Он обыгрывает эту тему в самых различных направлениях и довольно контрастно преподносит читателям душевное состояние своего лирического героя. Порой одиночество – это благодать и наслаждение для человеческой души, а порой – мрачная темница, заточение в которой – проклятье для его лирической души.

Центральным образом в бунинской лирике позднего периода является образ круга, структурирующий её в единое целое. О «вечно вращающемся круге бунинского мировосприятия» писал Ф. Степун: «В основе бунинского мироощущения не лежит, а неустанно вращается некий трагический круг: предельно напряжённое чувство жизни (отсюда зоркость его глаз – их у него две пары: орлиные на день, совиные на ночь); жажда жизни и счастья, неутолимость этой жажды... – затем срыв, скорбь, смерть... И тут же упоение красотой скорби, восторг о бессмертии смерти... – затем снова срыв, скорбь, смерть, страх» [14, с. 391]. Циклично и пребывание в мире лирического «я». Здесь достаточно назвать известные стихотворения «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», развивающие мифологему блудного сына: его ухода из родного дома и *возвращения / невозможности возвращения* к нему.

Как было уже отмечено, наименее исследованными в лирике Бунина остаются типы лирического субъекта и формы его выражения, в связи с чем попытаемся выяснить, каковы же формы субъектно-объектных отношений в одном из наиболее известных стихотворений поэта предэмигрантского периода – «В дачном кресле, ночью, на балконе...» (1918).

*В дачном кресле, ночью, на балконе...
Океана колыбельный шум...
Будь доверчив, кроток и спокоен,
Отдохни от дум.*

*Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?*

*Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит – да.*

*То, что есть в тебе, ведь существует,
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует –
Как же нет Любви? [7, с. 7].*

Главная тема стихотворения – внутренний мир лирического героя, его философское настроение. Лирический герой в данном стихотворении грамматически не выражен и, следовательно, является имплицитным. Однако эта имплицитность, снятость авторского присутствия в тексте в значительной мере преодолевается за счет введения в субъектно-объектное пространство стихотворения диалогической формы высказывания. Лирический герой стремится к диалогу с «другим», выраженным местоимением второго лица единственного числа – *ты*, в роли которого может выступать как незримый собеседник или воображаемый читатель, так и сам лирический герой – носитель авторского сознания.

Первые две строки обращают читателя к месту действия: *«В дачном кресле, ночью, на балконе... / Океана колыбельный шум...»*. Дача, как правило, ассоциируется с отдыхом, и автор, благодаря упоминанию этого места действия, погружает нас в состояние спокойствия и умиротворения. Характерно и время суток – ночь, которая является временем спокойствия и отдохновения, временем особого состояния внутреннего самоанализа и разговоров по душам. Это подтверждается строками: *«Будь доверчив, кроток и спокоен, / Отдохни от дум»*.

Отметим также особую эмоционально-звуковую наполненность стихотворения в двух первых его четверостишиях: «ночь» и «покой» подразумевают тишину, на фоне которой возникает «шум» океана. Однако этот шум имеет успокаивающий эффект для состояния души лирического героя. Не зря автор применяет прилагательное «колыбельный», как бы погружая нас, читателей, в состояние сна. И действительно, стихотворение насквозь пронизано концептуальным для него мотивом – мотивом сна: *«Есть ли тот, кто этой дачи спящей...», «Вот ты дремлешь...»*.

На первый взгляд, в стихотворении всецело доминирует статика: лирический герой находится в одном неподвижном положении, ведя внутренний диалог с «другим» – то ли с воображаемым читателем, то ли с самим собой. Однако общая композиция стихотворения не ограничивается данным состоянием, не сводится к нему, более того, с разворачиванием лирического сюжета она приобретает все более динамичный характер за счет масштабности, глубины и энергии авторских размышлений, которые имеют отчетливо выраженный философский, бытийно-онтологический характер. Через «другого», своего воображаемого собеседника, лирический герой пытается понять окружающий мир и самого себя, в результате чего выстраивается новое качество субъектно-объектных отношений. При этом преобладающая диалогическая форма высказывания усиливается за счет введения в текст многочисленных риторических вопросов (*«Есть ли тот, кто этой дачи спящей / Сторожит покой?», «Есть ли тот, кто должной мерой мерит / Наши знанья, судьбы и года?», «Как же нет любви?»*).

Ученые выделяют два типа диалогичности: двухкомпонентную и однокомпонентную. Для первого типа диалогичности характерна реплика-стимул и реплика-реакция, что представляет собой полноценный диалог двух лиц. Однокомпонентная диалогичность содержит только реплику-стимул, поскольку адресат либо не выражен, либо ответ и не ожидается. Из этого сле-

дует, что в анализируемом нами стихотворении представлен однокомпонентный тип диалогичности.

Таким образом, в общей идейно-композиционной стратегии стихотворения статика внешнего мира противопоставлена динамике внутреннего, духовно-интеллектуального мира лирического героя. В русле данной стратегии выстраивается и субъектно-объектное пространство стихотворения, гармонично соответствуя ей. Не случайно именно риторическим вопросом «*Как же нет любви?*» автор завершает свое стихотворение, стремясь максимально активизировать мыслительную деятельность воображаемого собеседника-читателя, предоставить ему возможность самостоятельно ответить на заданный вопрос, «додумать» концовку стихотворения.

Как мы знаем, Бунин очень болезненно пережил революцию 1917–18 гг., понимая, что тот мир, в котором он чувствовал себя востребованным и счастливым, вот-вот рухнет. Данное обстоятельство отражается в душе и настроении поэта. Несмотря на творческие успехи, его настроение последних предреволюционных лет остается пасмурным, о чем свидетельствуют его дневниковые записи 1916 года: «Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие всё продолжается» [6, с. 93]. Одним из последних стихотворений, в котором сохранилась некая дореволюционная безмятежность, является стихотворение «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», написанное 14 июля 1918 года. Уже буквально через несколько дней Бунин навсегда покинет Москву и отправится на юг, в Одессу, которая пока еще остается оплотом Белой гвардии. Здесь он рассчитывал пережить смутные исторические времена, еще не предполагая, что уже через полтора года окажется в далекой Франции и больше никогда не увидит страну, которую, несмотря ни на что, будет любить и боготворить до конца своей жизни.

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*

*И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав. [7, с. 8].*

Лирическое «я» в данном стихотворении эксплицитно, выражено личным местоимением в единственном числе. Тут позиция лирического «я» целиком коррелирует с эмпирическим автором, стихотворение отражает внутренний мир и высшие духовные ценности самого автора. В предчувствии неотвратимого расставания Бунин бросает прощальный взгляд на отчий дом и край, и, обращаясь к Всевышнему, с которым, возможно, предстоит скорая встреча, тем не менее, говорит не о смерти, а о любви, любви всеохватной и всепрощающей. При этом диалог ведется не только с воображаемым собеседником, но и с самим собой, благодаря чему автор пытается глубже познать самого себя, рассуждая о прошлом, настоящем и будущем. Это подтверждается такими строками: «*И забуду я все – вспомню*», «*не успею ответить*». Автор благодарит судьбу за то, что подарила ему его родину – прекрасный и удивительный мир, которым он восхищается и который боготворит. В стихотворении пронзительно звучит откровение о сладости и красоте жизни как высшей ценности и ее благодарное приятие.

Не случайно в стихотворении отмечается «избыточное» употребление существительных абстрактно-отвлеченной семантики. Так, существительное «Господь» обозначает высшие силы, управляющие человеком, «сын» – это метафорическое обозначение человека, прошедшего немалый путь духовных исканий, а «слезы» – способ проявления экстремальных человеческих чувств и состояний. Существительное «колена» символизирует всепрощение и благодарность. Отметим, что почти все существительные употреблены во множественном числе, что говорит о высокой степени обобщенности и общем философическом настрое стихотворения.

Одним из способов познания пространственно-временных границ текста является анализ употребленных глаголов, которые помогают проникнуть в мир авторского сознания. Глаголы «забуду», «вспомню», «не успею ответить» передают внутреннее состояние лирического «я», его взволнованность, смятение. Деепричастие «припав» обозначает порыв, ощущение счастья и благодарность Богу. Отметим, что отсутствие глаголов в первых строках стихотворения и многократное повторение союза «и» создают нарастающее напряжение, которое к концу второй строки усиливается многоточием – авторским умолчанием, предполагающим активизацию воображения и жизненного опыта читателя.

Таким образом, объективная картина мира передана в стихотворении «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» с помощью специфических лексических средств через субъективные переживания лирического «я», выступающего одновременно – ввиду высокой степени аутопсихологичности – и главным героем стихотворения. Не случайно автор заостряет внимание читателя на риторической фразе «*Был ли счастлив?*», выделяя таким образом центральную проблему произведения – проблему человеческого счастья, одну из главных проблем бытия.

Лирическое «я» может быть лишено индивидуального определения и выступать в качестве полисубъектного типа высказывания. В литературном тексте такой субъект может быть эксплицирован местоимением первого лица множественного числа *мы*. Интересным с точки зрения такого типа высказывания представляется стихотворение «Только камни, пески да нагие холмы...» (1926), написанное уже в годы пребывания поэта за границей:

*Только камни, пески, да нагие холмы,
Да сквозь тучи летящая в небе луна, –
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.*

*Но и ветер – зачем он так мечет ее?
И она – отчего столько ярости в ней?
Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.*

*Я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел – и я верю ему.* [7, с. 34]

Субъектная структура стихотворения осложнена. В первой строфе лирическое «я» грамматически выражено местоимением *мы*. Стихотворение насыщено риторическими вопросами, которые предполагают диалогическую форму высказывания. Во второй строфе актуализируется обращение к *ты* – деперсонифицированному образу возлюбленной, которое в дальнейшем трансформируется в *нас*, переключая план восприятия на обобщенный: «*Для чего и куда увела она прочь / Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?*». В последней строфе снова наблюдается смена субъектной организации стихотворения. Местоимение *мы* трансформируется в *я*, а затем в местоимение *нас*, в котором автор как бы растворяется. Такой тип диалога представляет собой обращение лирического «я» к самому себе.

С точки зрения типа диалогичности в данном стихотворении преобладает однокомпонентная диалогичность, поскольку ответ от адресатов («ветер», «злая морская волна», возлюбленная – «сердце моё») не ожидается. Подобные риторические вопросы позволяют проникнуть во внутренний мир самого лирического субъекта. Герой, глядя вокруг, замечает не только окружающую природу, но и изменения в отношении с «другим». Отметим, что ночь и вечер – характерное время суток в бунинской лирике позднего периода. Почти лишенная признаков биологической жизни ночь и только две одинокие души в этом бушующем враждебном мире. И вдруг – как заключительный и эмоционально кульминационный аккорд – успокоение в этой «буйной ночи» – надличное, надмирное, «покорное Божьей воле»: «Но Господь так велел – и я верю ему».

Такой представляется нам структурная организация субъектно-объектного пространства данного произведения. Подобная форма лирического субъекта, выраженная местоимением *мы*, встречается, хотя и довольно редко, и в других стихотворениях Бунина данного периода: «Мы рядом шли, но на меня...» (1917), «Петух на церковном кресте» (1922), «Печаль ресниц, сияющих и черных...» (1922).

Подведем некоторые итоги.

Как видим, субъектная структура лирики И. Бунина позднего периода характеризуется разнообразием художественных проявлений. Лирический субъект в его грамматическом выражении представлен предельно широко – как местоимениями 1-го лица единственного и множественного числа *я/мы*, так и субъектами речи, выраженными местоимениями 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. При этом наиболее часто используемой является, несомненно, форма личного местоимения 1-го лица единственного числа – *я*, что свидетель-

ствует о высокой степени автопсихологичности бунинского лирического героя, исповедальности лирики поэта.

Одним из главных открытий в произведениях Бунина, строящихся на лирическом развертывании темы, было «сознательное неразличение субъекта и объекта» [2, с. 8]. Писатель не отграничивает внешние явления от своих внутренних душевных впечатлений и переживаний. Отсюда такое важное место в его произведениях принадлежит описаниям природы. Постигание красоты мироздания идет у Бунина через постижение природного мира и осознания себя, своей роли, чувств, мыслей в этом мире. Использование разнообразных тропов, антонимов, оксюморонов, контрастных повторов и т.п. служит созданию повышенной эмоционально-экспрессивной окраски, которая достигается также за счет риторических вопросов, восклицаний, междометий, особенно широко представленных в лирике позднего периода.

Характерной для стихотворений Бунина данного периода является диалогичность на внутритекстовом уровне, обращения как к конкретному адресату, так и к субъекту без наличия обратной связи. Ярko иллюстрируют эту особенность поздней лирики Бунина стихотворения «В дачном кресле, ночью, на балконе...», «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...», «Степь» («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»), «Дай мне, бабка, зелий приворотных», «Где ты, угасшее светило?», «Русская сказка», «Ночная прогулка».

Наряду с прямыми и непрямыми формами высказывания, писатель использует разнообразные диалогические структуры, осуществляющие связи не только на внутритекстовом, но и на внешнетекстовом уровне. Подобные диалогические структуры в поздней лирике Бунина способствуют усилению связи между автором и реципиентом, а также более полному и глубокому восприятию авторских интенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик. Книга отражений. Москва, 1979. 689 с.
2. Астащенко О.А. Принципы художественной организации текста И.А. Бунина (Поэзия и проза эмигрантского периода). Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2003. 250 с.
3. Батюшков Ф.Д. И.А. Бунин. Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова. Москва: Республика, 2004. 543 с.
4. Блок А.А. О лирике. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. Москва: Наука, 2003. 642 с.
5. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Москва: Высшая школа, 1999. С. 141–153.
6. Бунин И.А. Дневники 1881–195 гг. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 337 с.
7. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 8. Москва: Художественная литература, 1987. 471 с.
8. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. Москва: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. 558 с.
9. Гинзбург Л.Я. О лирике. Ленинград: Советский писатель, 1974. 409 с.
10. Иншакова Ю.Г. Жанровая система поэзии И.А. Бунина. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2005. 23 с.
11. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. Москва: Просвещение, 1972. 113 с.
12. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. Москва: Наука, 1971. 448 с.
13. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1991. 192 с.
14. Степун Ф.А. И. Бунин. Избранные стихи // Современные записки, 1929. Кн. 39. С. 528.
15. Степун Ф.А. И.А. Бунин и русская литература // Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. 439 с.
16. Чулков Г.И. Покрывало Изиды: Критические очерки // Золотое руно. Москва, 1909. 217 с.
17. Аболина М.М. И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции: 1920–1955 гг. URL: <https://www.spbgik.ru/upload/file/nauka/dis/kand/2>

REFERENCES

1. Annenskij I.F. Balmont-lirik. Kniga otrazhenij. Moskva, 1979. 689 s.
2. Astashenko O.A. Principy hudozhestvennoj organizacii teksta I.A. Bunina (Poeziya i proza emigrantskogo perioda). Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Moskva, 2003. 250 s.
3. Batyushkov F.D. I.A. Bunin. Russkaya literatura XX veka. 1890–1910 / Pod red. S.A. Vengerova. Moskva: Respublika, 2004. 543 s.
4. Blok A.A. O lirike. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 7. Moskva: Nauka, 2003. 642 s.
5. Brojtman S.N. Liricheskij subekt // Vvedenie v literaturovedenie. Moskva: Vysshaya shkola, 1999. S. 141–153.
6. Bunin I.A. Dnevnik 1881–195 gg. Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2017. 337 s.
7. Bunin I.A. Sbranie sochinenij v devyati tomah. T. 8. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1987. 471 s.
8. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy: Ucheb. posobie / Pod red. L.V. Chernec. Moskva: Vysshaya shkola; Izdatelskij centr «Akademiya», 1999. 558 s.
9. Ginzburg L.Ya. O lirike. Leningrad: Sovetskij pisatel, 1974. 409 s.
10. Inshakova Yu.G. Zhanrovaya sistema poezii I.A. Bunina. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Elec, 2005. 23 s.
11. Korman B.O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya. Moskva: Prosveshenie, 1972. 113 s.
12. Korman B.O. Itogi i perspektivy izucheniya problemy avtora // Stranicy istorii russkoj literatury. Moskva: Nauka, 1971. 448 s.
13. Smirnova L.A. Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn i tvorchestvo: Kn. dlya uchitelya. Moskva: Prosveshenie, 1991. 192 s.
14. Stepun F.A. I. Bunin. Izbrannye stihi // Sovremennye zapiski, 1929. Kn. 39. S. 528.
15. Stepun F.A. I.A. Bunin i russkaya literatura // Portrety. SPb.: RHGI, 1999. 439 s.
16. Chulkov G.I. Pokryvalo Izidy: Kriticheskie ocherki // Zolotoe runo. Moskva, 1909. 217 s.
17. Abolina M.M. I.A. Bunin i izdatelskaya deyatel'nost' russkoj emigracii: 1920–1955 gg. URL: https://www.spbgik.ru/upload/file/nauka/dis/kand/2019/Abolina/abolina_avtoref.pdf.019/Abolina/abolina_avtoref.pdf.

Норова Виктория Александровна – магистр филологии, выпускница Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, ORCID ID: 0000-0002-1994-0938, e-mail: vika.norova@gmail.com

Силаев Александр Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, ORCID ID: 0000-0002-2388-5951, e-mail: silaev-52@ukr.net.

(Статья поступила в редакцию 5 декабря 2020 г.)